

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ СКРЫДЛОВ

аспирант отдела Новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН
(Санкт-Петербург)

Тел.: 8 (950) 034-75-74; E-mail: askrydlov@gmail.com

Статья посвящена истории взаимоотношений М.М. Сперанского и А.Д. Балашева накануне отставки государственного секретаря в 1812 г. На основе опубликованных и архивных источников, автор анализирует факты участия министра полиции в интриге против государственного секретаря и приходит к выводу о том, что А.Д. Балашев оказался в числе заговорщиков уже на завершающем этапе интриги и в своих действиях руководствовался не мотивами идеологического противостояния с М.М. Сперанским, а карьерными устремлениями.

Ключевые слова: М.М. Сперанский, А.Д. Балашев, Александр I, отставка, интрига.

М.М. СПЕРАНСКИЙ И А.Д. БАЛАШЕВ: К ВОПРОСУ О РОЛИ МИНИСТРА ПОЛИЦИИ В ИНТРИГЕ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

М.М. Сперанский и А.Д. Балашев – два представителя управленческой элиты Российской империи первой трети XIX в. Но если первый вошел в историю как выдающийся государственный деятель и реформатор России, то второй – как первый недолговременный министр полиции и неудачный «испытатель» новой модели генерал-губернаторского управления, являвшейся очередным витком реформаторских планов Александра I. Между тем жизненные судьбы и служебные карьеры этих очень разных людей и государственных деятелей оказались тесно связанными: М.М. Сперанский имел определенное отношение к возвышению А.Д. Балашева в 1810 г., а последний сыграл важную роль в падении реформатора в марте 1812 г.

Поэтому не удивительно, что в обширной историографии, посвященной государственной деятельности М.М. Сперанского, генерал-адъютант А.Д. Балашев упоминается чаще всего в контексте заговора против реформатора. При этом участие генерала объясняется либо личной неприязнью к М.М. Сперанскому и природной склонностью к интригам¹, либо стремлением действовать в интересах консервативной партии при дворе². Причем традиционно в фокусе исследовательских интересов историков оказывался М.М. Сперанский. А.Д. Балашев же всегда оставался в тени и был представлен как «одно из самых неприглядных явлений в истории царствования Александра»³.

Такая оценка деятельности А.Д. Балашева в историографии, безусловно, восходит к отношению к нему современников. Активный участник (на завершающей стадии) заговора против М.М. Сперанского, непосредственный исполнитель решения Александра I выслать государственного секретаря из столицы, в представлениях российских «либералистов» А.Д. Балашев казался едва ли не главным недругом либерала-реформатора, а его роль в падении императорского «фаворита» – ключевой. В дошедших до нас мемуарных свидетельствах можно найти многочисленные упоминания об А.Д. Балашеве в числе виновников отставки М.М. Сперанского. Так, Н.И. Греч в своих записках следующим образом охарактеризовал генерала: «Не знаю, каким образом сделался Балашов доверенным лицом Александра <...> В отношении государственном он был более вреден, нежели полезен. Непростительная ссылка Сперанского была отчасти его делом»⁴. К.В. Нессельроде, анализируя в своих записках причины отставки М.М. Сперанского, также подчеркнул особую роль А.Д. Балашева в интриге: «Сперанский, очевидно, был жертвой Балашова и Армфельта, воспользовавшихся общественным мнением, враждебным к реформам, задуманным государем и возлагавшимся на Сперанского...»⁵ Схожую трактовку произошедших событий высказала Е.Н. Львова: «Разными способами гр. Армфельд вместе с Александром Дм. Балашовым искали возможность познакомиться короче со Сперанским, звали его к себе...» Знакомство это, по свидетельству Е.Н. Львовой, закончилось предложением заговорщиков учредить со Сперанским «триумвират» для управления

государством и «тем уменьшить власть Государя Александра Павловича, на которого поднималась в это время в 1811–1812 годах вся Европа по желанию Наполеона». Когда М.М. Сперанский отказался участвовать в этой абсурдной акции, заговорщики донесли императору о том, что сам государственный секретарь был инициатором организации «триумвирата»⁶.

Таким образом, из воспоминаний современников следует, что в общественном мнении А.Д. Балашев, наряду со шведским бароном, председателем Комитета по делам Финляндии Густавом Армфельдом, считался главным виновником отставки М.М. Сперанского. Между тем рассмотрение истории взаимоотношений М.М. Сперанского и А.Д. Балашева, а также подробный анализ обстоятельств интриги не позволяют сделать столь однозначный вывод.

Карьерный взлет А.Д. Балашева, в разное время занимавшего должности военного губернатора Ревеля, московского и петербургского обер-полицмейстера, пришелся на 1808–1810 гг., когда он последовательно был назначен сначала военным губернатором столицы, а затем вошел в состав Государственного Совета и получил пост министра полиции. В историографии утвердилось мнение о том, что своим назначением на высшие государственные должности А.Д. Балашев был обязан рекомендациям М.М. Сперанского, который именно в эти годы пользовался наибольшим авторитетом у Александра I. Так, М.А. Корф подчеркивает, что «членом совета и министром он был пожалован по выбору и представительству Сперанского...»⁷. На данный факт указывает В.П. Семецкий⁸, об этом есть упоминания и в современных исследованиях⁹.

Между тем, по нашим наблюдениям, выбор М.М. Сперанского в пользу А.Д. Балашева вряд ли был обусловлен их близким знакомством. По свидетельству Я.И. де Санглена, генерал сделал попытку «познакомиться поближе» с М.М. Сперанским только в конце 1811 г., причем по заданию императора¹⁰. Следовательно, в 1810 г., рекомендуя кандидатуру А.Д. Балашева на пост министра полиции, М.М. Сперанский, вероятно, учитывал в первую очередь имеющийся у военного губернатора столицы административно-полицейский опыт. А.Д. Балашев, ранее возглавлявший полицейские управления Москвы и Петербурга, как никто другой, подходил для воплощения в жизнь «стремления императора усилить вертикаль власти путем создания центрального органа полицейского ведомства»¹¹. В разработанном под руководством А.Д. Балашева проекте «Учреждение Министерства полиции» М.М. Сперанский не нашел изъянов, что еще раз подтвердило характеристику министра как умелого администратора¹².

Тем не менее вскоре деятельность А.Д. Балашева во главе Министерства полиции, получившего с легкой руки В.П. Кочубея наименование «министерство шпионства»¹³, стала вызывать в обществе неоднозначную реакцию в первую очередь из-за возложенных на него специфических функций охраны общественного спокойствия. Чрезмерное

усердие министра в области тайного сыска и политической провокации, а также его стремление к постоянному расширению полномочий своего ведомства вскоре обеспокоили как идеолога создания отдельного Министерства полиции – М.М. Сперанского, так и самого Александра I. М.А. Корф, со ссылкой на Л.И. Голенищева-Кутузова, сообщает о некоем предположении «заменить его [А.Д. Балашева] бывшим нашим послом в Париже, графом Н.А. Толстым»¹⁴. Эти слухи о возможной отставке министра, циркулировавшие в высшем свете, не могли не дойти до А.Д. Балашева, особенно если учесть те информативные возможности, которыми он обладал в силу занимаемой должности. Таким образом, можно предположить, что именно угроза отставки с поста министра полиции и привела к изменению вектора взаимоотношений М.М. Сперанского и А.Д. Балашева. Искушенный в политических интригах министр полиции, почувствовав угрозу устойчивости своего положения в средоточии государственной власти, пополнил собой ряды недоброжелателей государственного секретаря.

История заговора против М.М. Сперанского берет свое начало в 1811 г., когда «для опытных наблюдателей уже стали заметными некоторые колебания императора в его отношениях к советнику, получили распространение разные записки и памфлеты, прямо враждебные Сперанскому»¹⁵. Идеологическую подоплеку отставки государственного секретаря традиционно связывают с именем сестры Александра I – Екатерины Павловны. Между тем великая княгиня, всегда имевшая огромное влияние на брата-императора, с приходом в правительственные сферы талантливого разработчика преобразовательных замыслов носителя верховной власти, помимо идейного соперничества, имела личные причины желать удаления М.М. Сперанского. Тверская резиденция Екатерины Павловны оказалась не только средоточием всех консервативно-оппозиционных сил реформаторскому курсу, но и центром заговора против государственного секретаря. Именно здесь Екатерина Павловна поручила Н.М. Карамзину составить знаменитую записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», преподнесенную впоследствии императору¹⁶. В Твери часто бывал и будущий московский губернатор граф Ф.В. Ростопчин, «наговоры» которого также сыграли определенную роль в падении реформатора¹⁷. Активным участником интриги стал и упоминаемый уже барон Густав-Мориц Армфельд, рекомендованный также М.М. Сперанским на пост председателя комитета по делам финляндским. Тонкий царедворец и активный деятель антифранцузской партии в окружении императора, Г. Армфельд вошел в число недоброжелателей М.М. Сперанского «по причине внешнеполитических пристрастий, желая тем самым отстранить от власти сторонника союза с Наполеоном»¹⁸.

Восстанавливая последовательность событий, приведших к отставке М.М. Сперанского, М.П. Погодин выстраивает факты, предшествующие его падению, в следующем порядке: «Неприятное впечатление в Эрфурте за восторг [Сперанского] к Наполеону, отзыв Наполеонов, «крики негодования» в публике, не донос, а доносы непрерывные, ненависть в. к. Екатерины Павловны, подозрение о намерении стеснить монархическую власть, уклонение от Лагарпова плана, письмо гр. Ростопчина о заговоре, тайные сношения с иллиуминатами, Вейсгауптом, сношения с Наполеоном, Записка Карамзина, мнение Сперанского о войне с Наполеоном I, вопреки Государю, решившему ее в уме, доносы Балашева, донесение Балашева с отзывом о государе»¹⁹. Заметим, что имя А.Д. Балашева упоминается лишь в самом конце этой цепочки – министр полиции начинает активные действия против М.М. Сперанского лишь на завершающем этапе интриги. Для выявления влияния этих действий на принятие императором решения об его отставке нам пришлось подробно и тщательно проанализировать все факты участия А.Д. Балашева в заговоре.

Итак, по сообщению Я.И. де Санглена, в 1811–1812 гг. возглавлявшего Особенную канцелярию Министерства полиции, к активным действиям, направленным против М.М. Сперанского, А.Д. Балашев переходит не ранее де-

кабря 1811 г. Определенным толчком к этому послужило особое поручение Александра I, очевидно желавшего проверить достоверность многочисленных доносов на государственного секретаря, стекавшихся к нему из самых различных источников. Император поручил министру полиции «иметь над ним [М.М. Сперанским] бдительный надзор» и пожелал, чтобы А.Д. Балашев «познакомился с ним поближе и старался бы выведать его мнение на счет государя и прочего»²⁰. А.Д. Балашев не упустил шанс воспользоваться заданием императора для того, чтобы упрочить собственные позиции при дворе и подорвать доверие к государственному секретарю, отведя тем самым от себя угрозу отставки.

Используя в качестве повода для встречи тему расширения полномочий своего ведомства, министр полиции нанес визит М.М. Сперанскому. О содержании беседы между ними и о впечатлениях А.Д. Балашева мы узнаем из донесения министра императору, пересказанного читавшим его Я.И. де Сангленом: «Балашов пишет: <...> Сперанский, приняв его ласково, спросил: “Как вздумалось вам меня посетить?” и просил сесть на стоящее против его кресло, так что стол оставался между ними. Балашов взял предложением желание посоветоваться: нельзя ли дать министерству полиции боле пространства? Оно слишком сжато; даже в некоторой зависимости от других министерств; так что для общей пользы трудно действовать свободно. Много говорили о тогдашней полиции Фуше; и наконец Сперанский, при вторичной просьбе Балашова о расширении круга действий министерства, сказал ему: “Разве со временем можно будет сделать это” – прибавя: “Вы знаете мнительный характер императора. Все что он ни делает, делается им в половину”. Потом, говоря далее об императоре, заметил: “Он слишком слаб, чтобы управлять и слишком силен, чтобы быть управляемым”»²¹. Достоверность последних фраз, приписанных А.Д. Балашевым М.М. Сперанскому, конечно, не может не вызывать сомнений – маловероятно, чтобы осторожный и осмотрительный царедворец позволил себе столь двусмысленные высказывания о монархе в присутствии государственного чиновника, тем более занимающего пост министра полиции. Между тем сам факт написания этого неправдоподобного донесения свидетельствует об особом стремлении А.Д. Балашева к дискредитации М.М. Сперанского. Следовательно, и дальнейшие доказательства виновности государственного секретаря, предоставляемые А.Д. Балашевым императору, могли носить на себе отпечаток личной заинтересованности министра. Император, по словам Я.И. де Санглена, в этот донос не поверил, однако от А.Д. Балашева потребовал продолжить наблюдение за М.М. Сперанским²².

Чтобы установить более тесные отношения с государственным секретарем, А.Д. Балашев прибегнул к помощи своего племянника Д.Н. Бологовского, который был дружен с близким к М.М. Сперанскому и являвшимся его подчиненным по Комиссии составления законов М.Л. Магницким. Д.Н. Бологовский уговорил Л.М. Магницкого содействовать сближению двух государственных деятелей. Сохранились свидетельства о том, что М.М. Сперанский согласился нанести визит А.Д. Балашеву, но затем явиться не смог и послал записку с извинениями. В руках у министра полиции тем самым появилось доказательство того, что Сперанский готов был с ним сблизиться²³, которое впоследствии было представлено императору.

Следующим этапом интриги против М.М. Сперанского и его окружения стала череда обвинений в шпионаже. Одно из них связано с правителем канцелярии военного министра М.Б. Баркляя-де-Толли – А.В. Воейковым, и М.Л. Магницким. М.А. Корф, ссылаясь на Г.С. Батенкова, сообщает о том, как «военный министр, возвратясь однажды от государя, все должные бумаги сдал, по обыкновению, Воейкову, который, также по обыкновению, привез их к себе на дом. Случилось, что в тот же самый день заехал к нему Магницкий, и, не застав его, остался ждать. Кабинет был отперт, и Магницкий, как старый приятель, не затруднился туда войти. Здесь, увидя на столе портфель, он, от

нечего ли делать или из особого любопытства, заглянул в него и нашел бумаги глубочайшей тогдашней тайны, относившиеся к военным приготовлениям и планам...»²⁴. Обнаруженные секретные документы либо их копии, а, по воспоминаниям Я.И. де Санглена, это была карта маршрута армии в Вильно, М.Л. Магницкий попытался передать Н.З. Хитрово, однако они были перехвачены А.Д. Балашевым²⁵. М.М. Сперанский же через М.Л. Магницкого успел ознакомиться с этими документами, «отправился к государю и с жаром начал порицать и опровергать выведенные из них предположения»²⁶, оказавшись, таким образом, косвенно причастным к этой шпионской истории.

Прямые обвинения в действиях в интересах иностранцев не заставили себя долго ждать – министр полиции предоставил императору якобы перехваченное им письмо из Киева, адресованное М.М. Сперанскому. В пересказе Я.И. де Санглена, содержание письма сводилось к благодарности реформатору от местных поляков «за все доставленные им выгоды»²⁷. Согласно записке, вложенной в конверт, к письму также прилагалось восемьдесят тысяч рублей ассигнациями, которые, однако, А.Д. Балашев императору не предоставил. Отсутствие указанной в записке суммы позволило Я.И. де Санглену усомниться в подлинности письма и надуманности обвинений, императору же они показались вполне убедительными²⁸.

Переходя к анализу последней и наиболее известной в историографии на основании мемуарных свидетельств современников акции против М.М. Сперанского, предпринятой А.Д. Балашевым совместно с Густавом Армфельдом, а именно к доносу о «триумvirате», следует отметить, что по вопросу об истинных намерениях заговорщиков в исторической литературе нет единого мнения. Рассматривая историю падения М.М. Сперанского, М.А. Корф не сомневается в искреннем желании А.Д. Балашева и Г. Армфельда организовать совместно с М.М. Сперанским независимый от императора комитет для управления государством. Следовательно, к доносу заговорщиков подтолкнул отказ государственного секретаря от участия в запланированном ими мероприятии²⁹. Несколькими иначе на задуманную А.Д. Балашевым и Г. Армфельдом акцию смотрит М.П. Погодин, считая, что «Балашев и Армфельд если и делали предложение, то не хотели в самом деле устроить с Сперанским невозможный триумvirат, а только ставили ему свою ловушку, хотели вывести его образ мыслей, побудить к какому-нибудь полезному для них шагу»³⁰. Последняя трактовка предложения А.Д. Балашева и Г. Армфельда изначально как провокации кажется более убедительной, если учесть предыдущий опыт министра полиции, которого в историографии характеризуют как «отца русской политической провокации»³¹.

Действительно, сама идея отстранения от управления государством Александра I путем создания тайного комитета для управления страной представляется безрассудной, а состав участников комитета – весьма странным. Очевидно, будучи информированными о сомнениях императора по поводу М.М. Сперанского, А.Д. Балашев и Г. Армфельд чувствовали себя застрахованными от возможного провала операции, а министр полиции и вовсе имел санкцию императора на наблюдение за М.М. Сперанским. В этом случае реакция государственного секретаря на предложение участвовать в «триумvirате» большого значения не имела, так как донос был запланирован заранее. Однако влияние доноса не было доминирующим при принятии императором решения отправить М.М. Сперанского в отставку. В этой связи трудно согласиться с М.А. Корфом, считающим, что после доноса «его падение сделалось неизбежным»³². Как справедливо отметил М.П. Погодин, на основании анализа оправдательного пермского письма М.М. Сперанского Александру I, обвинения в попытке создания секретного комитета по управлению государством не звучали во время их последнего свидания. Таким образом, хотя донос о «триумvirате» в общественном мнении представлялся главным обвинением, предъявленным М.М. Сперанскому, в реальности ни поводом, ни тем более главной причиной отставки он

послужить не мог. В ситуации нарастающего кризиса в отношениях с Французской империей и новой неизбежной войны с Наполеоном Александр I вынужден был не только приостановить реализацию «Плана» реформ 1809 г., но и убрать с политической арены его главного разработчика.

Министр полиции получил от императора приказ арестовать М.М. Сперанского и 17 марта 1812 г. лично участвовал в изъятии его бумаг и высылке из столицы. Позже в своих воспоминаниях А.Д. Балашев отметил: «В марте 1812 года имел я очень тяжелое мне поручение отобрать все бумаги у Сперанского и Магницкого и послать каждого из них, с полицейским офицером, в дальние губернии под надзор»³³. Это единственное упоминание, связанное с событиями отставки М.М. Сперанского, которое А.Д. Балашев считал возможным зафиксировать в своих записках.

Между тем, погрузившись в заговор против М.М. Сперанского, министр полиции сам оказался под ударом заговорщиков. О некоей параллельной интриге, имевшей место в это же время и направленной против А.Д. Балашева, стало известно М.М. Сперанскому. В книге М.П. Погодина есть данные о том, что, уже находясь в Нижнем Новгороде летом 1812 г., в беседе с предводителем нижегородского дворянства князем Г.А. Грузинским Михаил Михайлович говорил об А.Д. Балашеве, который «упреждал это происшествие (ссылку) двумя неделями, а то последовало бы то же с ним, что случилось со Сперанским»³⁴. Схожие намеки на опасность, угрожавшую А.Д. Балашеву в середине марта 1812 г., содержатся в дневнике М.М. Сперанского. В записи от 11 марта 1821 г., когда М.М. Сперанский по пути из Сибири в Петербург проезжал Рязань и был принят здесь А.Д. Балашевым, исполнявшим обязанности генерал-губернатора центральных губерний, имеется довольно туманная по содержанию фраза: «11 Пятница. Рано утром Рязань. Значительные здания и чистота улиц. В 9 посетил генерал-губернатора. В 10 посещение его. Дополнение к истории моей ссылки. Удар Армфельта был направлен и на Балашова и на министра финансов; следствием сего было то, что Балашов увлечен был в поход. На место министра финансов предложен был Голубцов и Попов, отвергнутый Государем; потом от Государя предназначаем был барон Кампенгаузен, но отстранен заговорщиками. Армфельт искал соединения и с Балашовым. Падение Армфельта от опыта, от перемены и скорого движения военных дел, и особенно от того, что он посетил Палена. В 2 часа обед у Балашова и дальнейший путь»³⁵. Таким образом, разговор М.М. Сперанского и А.Д. Балашева, состоявшийся спустя девять лет после отставки, проливает свет на обстоятельства интриги против министра полиции, инициатором которой стал его коллега по несостоявшемуся «триумvirату» барон Густав Армфельд. Действительно, Я.И. де Санглен в своих записках сообщает о напряженных отношениях А.Д. Балашева с Г. Армфельдом, который вел двойную игру и доносил императору одновременно и на государственного секретаря, и на министра полиции³⁶. Эти доносы возымели действие, особенно после контактов А.Д. Балашева с М.М. Сперанским через Д.Н. Бологовского, к которому Александр I относился с особым недоверием, так как он был в числе заговорщиков 1801 г.³⁷ Вероятно, по совету Г. Армфельда император привлекает Я.И. де Санглена как правителя Особой канцелярии Министерства полиции к наблюдению за его шефом³⁸. О содержании доносов на А.Д. Балашева источники умалчивают. Однако именно это обстоятельство названо в беседе с М.М. Сперанским возможной причиной отхода А.Д. Балашева от дел, связанных с Министерством полиции 28 марта 1812 г. и его отъезда 20 апреля того же года за Александром I в действующую армию в Вильно³⁹. Представляется, что после столь резонансного дела император считал необходимым убрать фигуру министра полиции в тень, оставив тем не менее его в своем ближайшем окружении. А.Д. Балашеву было приказано сдать дела, связанные с Министерством полиции, С.К. Вязмитинову и состоять при императоре генерал-адъютантом, формально сохраняя, однако, звание министра. Взаимоотношения с М.М. Сперанским всегда служили одним из индикаторов, с помощью ко-

торого историки относили деятелей Александровского царствования к прогрессивной или консервативной части правящей элиты. Однако в ситуации с А.Д. Балашевым, которого традиционно принято считать одним из главных недоброжелателей М.М. Сперанского, такое разделение не вполне оправдано. Оказавшись в числе противников государственного секретаря уже на завершающем этапе интриги, А.Д. Балашев в своих действиях руководство-

вался не мотивами идеологического противостояния, а карьерными устремлениями и желанием удержаться в кресле министра полиции. Более того, дальнейшая деятельность А.Д. Балашева на посту генерал-губернатора центральных губерний позволяет сделать вывод о том, что он опирался на общие с М.М. Сперанским идеологические постулаты, частично реализованные им в рамках реформы местного управления⁴⁰.

- ¹ Корф М.А. Деятели и участники в падении Сперанского // РС. 1902. № 3. С. 485; Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006. С. 200.
- ² Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество / Под ред. А.К. Джигелева, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. СПб., 1911. Т. II. С. 227; Погодин М.П. Сперанский // РА. 1871. № 6. Стб. 1133.
- ³ Корф М.А. Деятели и участники... С. 485.
- ⁴ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л. 1930. С. 562–563.
- ⁵ Нессельроде К. В. Записки // РВ. 1865. №10. С. 548.
- ⁶ Львова Е. Н. Рассказы // РС. 1880. Т. 28. № 3. С. 350.
- ⁷ Корф М.А. Деятели и участники... С. 484.
- ⁸ Семевский В.И. Указ. соч. С. 227.
- ⁹ Минаева Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009. С. 46.
- ¹⁰ Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 31.
- ¹¹ Управленческая элита Российской империи: история министерств. СПб., 2008. С. 264.
- ¹² Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 17.
- ¹³ Цит. по: Корф М. А. Деятели и участники... С. 487.
- ¹⁴ Корф М.А. Деятели и участники... С. 484.
- ¹⁵ Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М., 2004. С. 109.
- ¹⁶ Йена Д. Екатерина Павловна. М., 2006. С. 134ю
- ¹⁷ Корф М.А. Деятели и участники... С. 477ю
- ¹⁸ Там же. С. 496.
- ¹⁹ Погодин М.П. Указ. соч. Стб. 1177ю
- ²⁰ Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 31.
- ²¹ Там же. С. 24
- ²² Там же. С. 31.
- ²³ Корф М.А. Деятели и участники... С. 498
- ²⁴ Там же. С. 499.
- ²⁵ Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 40.
- ²⁶ Корф М.А. Деятели и участники... С. 499
- ²⁷ Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 41
- ²⁸ Там же. С. 41.
- ²⁹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1863. Т. II. С. 7.
- ³⁰ Погодин М.П. Указ. соч. Стб. 1125–1126.
- ³¹ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. М., 1998. С. 40.
- ³² Корф М.А. Жизнь графа Сперанского... С. 8.
- ³³ Цит. по: Корф М.А. Деятели и участники... С. 486.
- ³⁴ Погодин М.П. Указ. соч. Стб. 1129.
- ³⁵ ОР РНБ. Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 479. Дневник путешествия по Сибири 31.03.1819 – 24.03.1821. Л. 7 об.
- ³⁶ Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 28.
- ³⁷ Синевский В.И. Указ. соч. С. 229.
- ³⁸ Де Санглен Я.И. Записки // РС. 1883. № 1. С. 28.
- ³⁹ Там же. Л. 7 об.
- ⁴⁰ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 215; Минаева Н.В. Указ. соч. С. 47.

ВАЛЕРИЙ ЮЛЬЕВИЧ ГЕССЕН

кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)
Тел.: (812)382-62-70; E-mail: gessen27@mail.ru

АНТОН ЛЕОНИДОВИЧ ДМИТРИЕВ

кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов и Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812)349-06-57; E-mail: dmitr7171@mail.ru

В статье на основе архивных и литературных данных, а также воспоминаний родных и современников, описана жизнь, научная и преподавательская деятельность профессора А.И. Буковецкого. Особое внимание уделено событиям, связанным с репрессиями в отношении него, обстоятельствами трех его арестов, пребыванию в концентрационном лагере.

Ключевые слова: А.И. Буковецкий, финансы, статистика, преподавание, политическая экономия, арест, допрос.

ВСЕ ЗНАВШИЙ О ФИНАНСАХ АНТОНИЙ ИОСИФОВИЧ БУКОВЕЦКИЙ

1. Происхождение и первые годы жизни

По поводу появления на свет А.И. Буковецкого имеется следующий документ: «Свидетельство. По указу Его Императорского Величества от Санкт-Петербургской духовной

консистории дано сие свидетельство в том, что в метрической 1881 года книге Санкт-Петербургской Владимирской церкви под № 386 указано: Студента Строительного училища Иосифа Иосифова Буковецкого и законной его жены